

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ДЕСАНТУРА
ПРОТИВ МОРПЕХОВ**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Десантура против морпехов

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Десантура против морпехов / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2009 — (Спецназ ВДВ)

Майор Лавров по прозвищу Батяня направляется на розыск боеголовки сверхсекретной российской ракеты, приземлившейся в ходе испытаний на Камчатке. За боевой частью охотятся американские спецслужбы, их самолет-разведчик уже сел в предполагаемом районе падения... Батяне ни в коем случае нельзя допустить янки к стратегически важной детали, а потому собственно поиск головной части оказывается самой легкой частью задачи. Никто не предполагал, что в камчатской тундре придется схлестнуться с американскими морпехами! Тут уж, как говорится, нашла коса на камень. Чтобы не дать неприятелю завладеть ценной информацией, Лавров идет на самые крайние меры...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Десантура против морпехов

Глава 1

Туман легкой дымкой двигался с далекого побережья в глубь тайги. Он окутывал скалы, низкорослые деревья плотным покрывалом, и видеть дальше нескольких метров, особенно в низинах, становилось все сложнее. Ноябрьские сумерки Камчатки напоминали привычный континентальному человеку зимний вечер, за исключением одной детали – кругом не было видно ни крупинки снега. Луна отчетливо виднелась на фиолетовом небосклоне, и выступающие глотки вулканов, одетые в зелено-коричневые воротники хвои, создавали завораживающую картину арктической осени.

Дул холодный северный ветер, мгла стелилась по мерзлой тундре, в которой каждый звук разносился стократным эхом на версты кругом. Деревья стояли в полном спокойствии, предчувствуя скорую зиму, которая скует оставшиеся в живых ветки и кусты, и тайга погрузится в долгую северную зиму. В это суровое время, тянувшееся целых девять месяцев, ни одно живое существо не позволит себе без надобности высунуть нос из своей теплой берлоги.

Просторы тундры расстилались бесконечным ковром, и только в некоторых местах были видны прогалины, на которых обыкновенно устраивали стоянки коряки – местные аборигены, укладом жизни близкие к более известным эскимосам или чукчам.

Одна из таких прогалин пестрела оленьими шкурами и ярко освещалась пламенем большого костра. Огонь весело рвался в небо, пожирая поленья, и составлял яркий контраст с мрачным промозглым вечером. На стоянке коряков расположилась как минимум дюжина яранг – простых, но удобных конусообразных жилищ из дерева и шкур, которые служили местным жителям домами на протяжении неисчислимых веков. В такой яранге было тепло и уютно – конечно, по местным понятиям. К счастью, здешние коряки не слишком избалованы цивилизацией и довольствуются тем, что дает природа. Их предки поселились здесь очень давно – некоторые данные дают основания предположить, что люди заселили эти негостеприимные просторы более пятнадцати тысяч лет назад. Нам, людям современным, часто трудно себе представить, каким образом за столь продолжительный срок местные обитатели ловко обманули понятие «прогресс» и сумели сохранить традиционный уклад, несмотря на все попытки «окультурить» их более цивилизованными соседями.

Так и здесь – стоянка жила сложившейся за столетия жизнью. На большом костре в центре лагеря готовилась пища. Женщины занимались нехитрым хозяйством, мужчины – подготовкой своих «орудий труда»: багров, копий, затажек и прочих охотничьих приспособлений. Их нисколько не занимала красота окружавшей их природы.

С самого рождения и до последнего часа большинство этих людей не видели и не увидят ничего, кроме тайги, животных и снега. Так уж вышло, что для народов вроде коряков проникновение иного уклада жизни в свои общины было явлением неоднозначным. Детей возят на снегоходах в школы райцентров, однако каждый месяц их на целую неделю возвращают родителям. Это происходит из-за того, что молодежь, воспитанная в городе, обычно не изъявляет желания возвращаться обратно. Ряды коряков пустеют, народ вырождается, и самобытность их культурного наследия тает в вездесущей урбанизации. Против прогресса не попрешь...

Это коряки понимали с особой, свойственной только северным народам фатальностью. И поэтому уже не сопротивлялись новой жизни. Но для них это не значило, что воспитание их детей – дело рук «более развитых и культурных». Традиционные, архаичные формы самосознания, вроде шаманизма и почитания духов, впитываются корякскими детьми с молоком

матери. Ни один местный не мог бы назвать себя коряком, если он ничего не смыслит в охоте, ублажении духов и основных принципах общения с предками. Как комично это ни звучит, народ воспринимает все эти факторы как нечто фундаментальное, естественное и необходимое.

В самой большой яранге, украшенной замысловатым орнаментом из грубой материи и шкур, горел огонь. Внутри жилища на стенах металась человеческая тень. Наружу доносился один голос, очевидно, пожилого человека. В юрте проходил обряд камлания – первобытный ритуал, связующий кама, то есть шамана, с духами предков. Сейчас старик заговаривал бубен, как это принято делать перед началом ритуала. Весь стан замолк, и только потрескивание костра изредка вмешивалось в диалог шамана и потустороннего измерения духов-охранителей.

Внезапно раздался громкий удар в бубен, и стоянка как будто вышла из всепоглощающего коматоза.

Ритм бубна был завораживающим и обладал какой-то порабащающей силой. В шаманизме коряков почитается восемь ритмов – и каждый из ритмов согласовывается с восьмью чакрами человека. Каждый ритм также имеет свое предназначение. К примеру, «ритм Змеи» – три медленных удара, используется для первого камлания, для обретения решительности, накопления внутренней силы. «Ритм Медведя» – четыре быстрых, один одиночный, используется для медитации, защиты от окружающих...

Четкий и гипнотизирующий ритм за пару минут вводил человека в состояние транса, и поэтому даже за пределами юрты не раздавалось ни одного лишнего звука, люди молча занимались своим делом. Однако в их глазах читались преданность какому-то древнему таинству и страх перед высшими силами северных стихий.

В яранге находилось восемь человек – шаман, его внук и шестеро молодых коряков. Молодежь прибыла в стан «на каникулы», и сейчас шаман Степан Теченеут должен был продемонстрировать им силу духов, дабы они поняли, что люди из города – это другие люди, а здесь, у коряков, человек обретает совсем иное состояние.

Самый молодой из присутствующих при этом мистическом ритуале, Никита Теченеут, замороженно глядел на своего деда. Он и представить себе не мог, как это здорово – находиться рядом с настоящим шаманом в момент призыва духов! Как и вся нынешняя молодежь, парень отличался пытливым умом и довольно скептическим взглядом на вещи. В школе он проявлял особые таланты в математике и физике, так что туземный взгляд на природные явления присутствовал в нем только в силу происхождения.

По яранге потянулся аромат трав – это шаман бросил в костер ритуальный пучок благовоний. Колдовство стало действовать – постепенно внук начал ощущать, что его тело обездвиживается, а затем наступает какое-то неконтролируемое экстатическое состояние. Бубен гремел все громче, юрта начала уходить куда-то в высоту...

И вдруг шаман вскочил и оглушительно ударил в натянутую шкуру. Юноши очнулись от завораживающих видений и ожидали продолжения ритуала. Степан взял тлеющую головешку, горевшую синим пламенем, и направился к выходу из яранги. Внук, которому было жутко интересно, что же произойдет дальше, жестом позвал своих товарищей последовать за дедом. Когда вся процессия вышла из юрты, оказалось, что весь лагерь уже собрался у главного костра в ожидании слов шамана.

Старик медленно двигался к костру, мелкой дробью выбивая какой-то ритм, и было очевидно, что он находится в религиозном экстазе. Подросток подбежал к отцу, стоявшему неподалеку, и хотел было что-то сказать, но тот быстро залепил ему рот рукой, показывая, что в этот момент нельзя говорить. Никита послушно кивнул головой и примостился поудобнее, чтобы наблюдать за развязкой процесса. Шаман подошел вплотную к костру и внезапно бросил головешку в пламя. Огонь взметнулся синей струей в небо, и старик начал громко напевать какое-

то заклинание – горловое пение коряков не менее завораживающее действие, чем магия бубна. Чем выше взметался огонь, тем громче шаман чеканил свои слова.

Никита все-таки не выдержал и обратился к отцу:

– Папа, что он говорит? Я внимательно слушал, но ничего не понимаю...

Отец сердито взглянул на него и коротко ответил:

– Он спрашивает духов, что нам делать дальше. И не говори больше ни слова – а то предки обидятся и будут молчать до следующей луны!

На мальчишку эти слова явно подействовали. Даже при всем своем прагматическом складе ума он не мог не поддаться чувству ответственности за свой народ.

Отношение к шаманам у северных народов всегда было особым. Одно из главных правил – не мешать шаману разговаривать с духами. Иначе, как считалось у местных, кара настигнет того, кто имеет слишком длинный язык...

Вдруг раздался какой-то непривычный звук, и следом за этим в небе прямо над стоянкой появился странный объект. Он был серебристым, обтекаемым, округло-треугольным и выглядел просто фантастически.

Шаман вскинул руки к небесам, и люди в ужасе упали на колени, прикрыв головы руками. Не стоит думать, что коряки настолько темны и глупы, – но когда «неопознанный летательный объект» появляется в самый разгар ритуала по вызову опасных и мистических сил из древних легенд, поневоле становишься суеверным. Только Никита остался стоять, с любопытством вглядываясь в парящий над тайгой объект.

Шаман молча смотрел мутными глазами в небо. Удивительный предмет медленно планировал прямо над верхушками деревьев, и, казалось, согласно траектории своего снижения, он должен буквально врезаться в яранги. Однако ничего подобного не произошло – напротив, непонятная летательная машина набрала высоту и быстро начала удаляться в сторону сопки Ключевская. Никита понял, что терять уникальный момент никак нельзя, и рискнул сделать то, чего даже предположить не мог ни один из присутствовавших.

Подросток, быстро выхватив фотоаппарат – обычную корейскую «мыльницу», – уверенным движением навел объектив на светящийся круг и нажал на кнопку. Вспышка ослепила шамана, и тот с диким воплем обрушился на колени, вновь начав неистово барабанить по кожаной перепонке бубна. Внук решил не заострять внимание на этом инциденте – тем более что окружавшие его люди начали потихоньку приходить в себя и за свои опрометчивые действия мальчишка вполне мог получить от отца по шее.

Буквально через несколько секунд все взгляды коряков выжидающе устремились на шамана. Тот, сделав многозначительное выражение лица, начал вещать хриплым голосом:

– Мои братья и сестры! Этой ночью духи явили нам знак своей милости – вы сами видели Луну, которая сошла с небосвода и пролетела над нашей стоянкой, как сойка. Этот знак говорит о том, что мы изменим нашу жизнь к лучшему! Я говорю вам – духи к нам благосклонны! Завтра будет великий день!

На этом его пафосная и вдохновенная речь была прервана несколько подрагивающим, но достаточно уверенным голосом внука. Поняв, что ему в любом случае не избежать наказания, Никита решил вступить за себя самого:

– Дедушка, разве ты не знаешь, что Луна – это планета, и она никак не может летать, словно сойка? Сейчас это знает каждый школьник...

Никита очень уважал и любил своего деда, но были вещи, в которых он никак не мог согласиться со Степаном Теченеутом, пускай тот и являлся шаманом.

Отец чуть было не влепил малолетнему скептику затрещину, но дед жестом призвал его к спокойствию.

– Мой внук, ты хочешь сказать, что это был не дух воды, не великий Ирренгу? – скептически усмехаясь, спросил старик. – Уж не собираешься ли ты спорить со своим дедом, который в этом кое-что смыслит?

– Нет, дедушка, – отрицательно помотал головой Никита, – скорее всего это был просто самолет или какой-нибудь другой летательный аппарат.

Ему не хотелось спорить, но раз уж разговор пошел так серьезно...

– Ты еще слишком мал, чтобы спорить со старшими! – Отец не выдержал и все-таки отписал своему заносчивому сыну подзатыльник. – А тем более с шаманом племени. Подумай сам: кто он, и кто ты? Он умел разговаривать с духами еще задолго до того, как я появился на свет. Ты хоть представляешь, что это такое? Вряд ли. Не забывай – этот человек еще и твой дед!

Внук особо не огорчился «внушению», но поспешил спрятать фотоаппарат.

– Пап, ну ты-то сам в это веришь? Ты же сам недавно рассказывал мне, что здесь недалеко – военная часть. Мало ли чего там эти русские построят! Мы ведь живем не в каменном веке, надо же смотреть на все современными глазами.

Шаман, видимо, был совсем не рад тому, что его авторитет ставится под сомнение школьником. Однако у шаманов тоже есть свой принцип – не доказывать недоказуемое, а просто убеждать людей принимать нужное на веру. На этом держится почти весь их нехитрый уклад.

– Никита, послушай. Машины и аппараты, которые изобретают и строят люди на базе – это одно. Но милость духов, их всесильность – это совсем другое. Не спорь с отцом и мной, просто поверь в то, что видел. Не всегда все можно объяснить логически. Главное происходит как раз без участия техники...

Внук понял, что сегодня он вряд ли опять получит по затылку, и поэтому совершенно осмелел.

– Я-то поверю, но вот что скажут завтра в школе, когда я покажу им эту фотографию! Я думаю, мне дадут какую-нибудь важную премию!

Никиту просто переполняли эмоции. Он уже знал, что снять НЛО пытались и пытаются многие, но вот хороших, четких фотографий совсем немного. А его фото должно быть как раз таким. И тогда, возможно, никто не усомнится в том, что Никита на самом деле стал свидетелем уникального явления.

Слушая сына, отец тяжело вздохнул и обратился к шаману:

– Не принимай всерьез, он всего лишь ребенок. Пока он поймет что к чему, пройдет не один день.

После этого Кондрат взял Никиту за руку и сказал:

– А ты получишь не премию, а еще одну затрещину, если сейчас же не ляжешь спать! Я смотрю, что-то ты слишком разговорился в последнее время. И правду говорят, что не всем наука идет на пользу!

Шаман как-то неуверенно улыбнулся, взял бубен и направился обратно в шатер. Юноши, которые были с Никитой, в отличие от своего сверстника никак не могли прийти в себя. Да, не каждый день случается такое. Тем временем остальные обитатели стана уже начали судачить об этом странном происшествии.

Никита, вбежав в ярангу, тут же прыгнул на свою кровать. Правда, назвать ее «кроватью» в полном смысле слова было бы не совсем верно – скорее, она выглядела лежанкой, покрытой шкурами. Однако мальчика совсем не волновали подобные мелочи. Он думал о том, как бы пленка не засветилась, и уже представлял себе, с каким уважением будут относиться к нему одноклассники, а может быть, и сам директор, когда он завтра расскажет им про НЛО...

Глава 2

Дальневосточный город Петропавловск-Камчатский представляется большинству обычных граждан Российской Федерации как нечто чрезвычайно экзотическое. Город находится в столь отдаленных территориях, что рядовому жителю средней полосы действительно сложно себе вообразить, что за люди там живут и чем они там занимаются.

Вопреки некоторым «материковым» домыслам, Петропавловск-Камчатский – современный город, довольно крупный и развитой. Основанный еще в первой половине восемнадцатого века, этот крупный порт и административный центр края расположен на восточном побережье полуострова Камчатка, на берегах Авачинской губы Тихого океана. Кроме всего прочего, присущего областным центрам, в этом городе имеется немаленький военный аэродром. Прямо возле города располагается секретная воинская часть, и поэтому здесь соответствующий аэродром, бухта и радиолокационная станция – вещи вовсе не исключительные, а, наоборот, обычные.

Этот аэродром представлял собой огромное серое бетонированное пространство с парой блок-домиков и двумя большими ангарами. В это осеннее утро тишина здесь была нарушена огромным двухмоторным тихоходом, появившимся на горизонте около пяти часов утра.

Тяжелый «Ил-76», приземлившись, еще гудел своими огромными моторами на тусклом асфальте аэродрома, а невдалеке уже выстроились на плацу люди в белых маскахалатах, экипированные по всем правилам военного времени.

Перед строем стояли два человека. Один из них, крепко сбитый майор, очевидно, командовал группой. Второй возвышался над ним на целую голову. Шрамоватые скулы, огромные кулаки и манера «сдержанной агрессии» выдавали в нем бывшего вояку, что подтверждалось звериным взглядом и тяжелой, бронетанковой походкой.

Старший вызывал гораздо большую симпатию, нежели его помощник. Его лицо было похоже на лица эпических героев из фильмов про советских десантников. Светло-русый, с голубыми глазами и широкими скулами, он с первого взгляда вызывал доверие и уважение у любого человека, с которым ему приходилось сталкиваться. Не стоит объяснять, что такое качество и в армии, и на гражданке играет довольно весомую роль.

Этим человеком был майор Лавров, известный в своей части под именем Батяня. Опытный и, как это принято говорить, «матерый» десантник, он обладал в среде подчиненных или вверенных ему военнослужащих непререкаемым командирским авторитетом.

Сегодня его лицо выражало состояние собранности и сосредоточенности, и никто не осмеливался вставить хоть одно слово перед тем, как Лавров выскажет свои веские соображения.

– Равняйся! Смирно! Вольно!

Батяня чеканил команды быстро и четко. Убедившись, что каждый человек в строю смотрит именно на него и не пропустит ни одного слова, майор продолжил:

– Итак, бойцы, сейчас мы с товарищем прапорщиком изложим вам суть вашего боевого задания. Прошу отнестись к его выполнению максимально серьезно – это крайне важная операция! – Лавров окинул строй пытливым взглядом. – У нас с вами было уже немало решенных задач, но теперь предстоит особая. Без преувеличения, она явится экзаменом. Экзаменом вашего профессионализма.

Лавров говорил несколько минут. Как это чаще всего случалось, во время его обращения к солдатам тишина стояла полнейшая. Ничего странного – популярность майора Лаврова и уважение к нему были поистине образцовыми. Военнослужащие «поедали» глазами командира, обратившись в слух. С удовлетворением отметив про себя этот факт, Батяня продолжил:

– А теперь передаю слово прапорщику Абакумову.

Прапорщик вышел вперед и начал говорить. Его слова звучали отрывисто и внушительно.

– Так, бойцы. Цель всех десантных подразделений во всех странах мира одинакова. Во-первых, незаметно высадиться в тылу противника. Во-вторых, сгруппироваться после высадки для нанесения удара. В-третьих, нанести внезапный и болезненный удар по заданной цели. В-четвертых, незаметно уйти до момента прибытия подкрепления противника. Вот эти четыре пункта вы должны себе уяснить, если до этого времени кто-то сомневался. Это понятно?

По виду подчиненных было ясно, что слова не остались без внимания. Абакумову, конечно, было далеко до популярности Батяни, но он и не претендовал на эту роль, прекрасно понимая, что всему есть границы. Тем не менее Абакумов был профессионалом. Он знал, как выполнить поставленную цель, знал, как это сделать с помощью тех людей, которые имелись в данный момент у него в наличии. В общем, звезд с неба не хватал, но действовал четко. Это тоже прекрасно знали подчиненные.

– Вот именно эти четыре пункта вам и предстоит сегодня реализовать! – продолжил Абакумов. – Напоминаю, что наша цель – мобильный пункт системы ПВО, который находится под охраной двух взводов морской пехоты. Противник силен и превосходит нас и по численности, и в во-оружении. К тому же элемента внезапности, в привычном понимании, у нас с вами не будет. Так что придется поднапрячься.

Прапорщик сделал особый акцент на последних словах. Очевидно, что для наилучшего выполнения задачи десантникам стоило в полной мере осознать все тонкости предстоящего дела.

– О возможном нападении «береты» извещены данными разведки, так что действовать придется в экстремальных условиях. Все понятно?

Строй молчал, что красноречиво означало полное согласие. Прапорщик удовлетворенно кивнул и обернулся к Батяне.

– Товарищ майор, разрешите загружаться?

– Погоди, Абакумов. – Батяня обошел его и вышел к строю. – К четырем пунктам товарища прапорщика я хочу добавить еще один, пятый: в нашей ситуации врага можно и следует обмануть. И это должно стать основным нашим оружием. Не стоит недооценивать противника – этих ребят готовили не в спортивно-патриотических лагерях.

По сосредоточенности десантников было видно, что на меньшее они и не рассчитывают. Поняв, что дальнейшие разъяснения – это переливание из пустого в порожнее, Лавров в последний раз обратился к строю:

– Еще раз повторяю: это боевой вылет, поэтому надеюсь на вашу ответственность и выучку. О деталях мы поговорим позже. Вперед, ребята!

– Нале-во! К машине! – Абакумов не стал размениваться на пожелания подчиненным, потому что понимал: дело ясное, пора действовать.

Строй развернулся, бойцы поодиночке, согласно правилам, начали загружаться внутрь «Ила». Батяня еще раз осмотрел каждого десантника, одобрительно кивнул прапорщику, и тот дал отмашку пилоту: скоро взлетаем.

Лавров направился к трапу. Он еще раз окинул взглядом вид местной природы – свинцовое небо и тусклые цвета делали пейзаж каким-то уж очень суровым. Батяня подумал, что ему, возможно, стоило родиться в этих краях – здешняя природа настраивала его на какой-то «правильный» лад, который полностью соответствовал ощущениям майора.

Когда последний солдат скрылся в самолете и подъемник начал подниматься, прапорщик привычным басом окликнул Батяню.

– Товарищ майор, пора!

– Вижу-вижу! – Лавров быстро, но без излишней спешки направился к трапу.

Его начинало захватывать чувство, которое всегда возникало у него перед сложным заданием – чувство ответственности за выполнение того, что поручают именно тебе. Надо сказать,

что Батяне практически всегда поручали то, что остальные выполнить либо не могли, либо выполнение являлось слишком дорогим делом. Но этим майор Лавров и жил – без здорового мужского адреналина и смертельно опасных крайностей, казалось, он уже не мог нормально существовать.

«Ил» загудел мощными моторами и стал медленно двигаться по взлетной полосе. Вскоре он оторвался от земли, начав тяжело подниматься вверх, в серое, неприветливое небо. Втянув в себя шасси, огромный самолет взял курс на северо-восток, и безлюдный аэродром опять затих, возвратившись в то сонное состояние, в котором он пребывал ранним утром.

Глава 3

В это время года море было беспокойным: огромные серые волны то и дело наваливались всей своей громадой на почти отвесные скальные склоны и, так и не сумев обрушить могучие горные кряжи, отступали назад, готовясь к новой атаке. Немногочисленные альбатросы кружили над побережьем, и их горловые канонады слышались далеко на берегу. Вдобавок к мрачному межсезонью, депрессивный клекот этих гигантских птиц навевал на любого человека состояние непередаваемой тоски. На побережье было абсолютно безлюдно – человек редко забредал в эти места по своей воле.

Почти на самой кромке каменистого берега располагалась довольно крупная радиолокационная база ПВО. Огромные железные конструкции, увенчанные широкими антеннами и приемниками, указывали на то, что охват территории при такой аппаратуре должен быть немалым. По периметру базы бодро вышагивали исполины в камуфляже. Такой обычно носят бойцы особых военных подразделений, однако на этих спецкостюмах не было видно никаких знаков различия. Сложно было определить принадлежность базы и по командирской рубке – на ней не было нанесено никаких гербовых рисунков, даже номера части.

Судя по количеству и виду радиолокационных вышек, пеленгующих устройств и огромных ультразвуковых радаров, станция имела стратегическое назначение.

Огромные панцири антенн со скрипом ворочались, и в центральной рубке семеро человек в наушниках пеленговали все сигналы, которые исходили за сотни километров кругом. Однако пока ничего странного или подозрительного замечено не было – за толстым пуленепробиваемым окном стояло обычное холодное утро, немного морозило. Капитан, видимо, главный здесь, нехотя потянулся, крутнувшись в кресле. Судя по целой батарее кофейных кружек и беспорядочно разбросанным топографическим картам, эта ночь выдалась на базе бессонной.

Офицер посмотрел на происходящее внизу из своей рубки. Часовые все так же мерно вышагивали, метр за метром, альбатросы кружили над огромными локаторами, а ракетные катера стояли пришвартованными у нижней гавани. Морпех медленно перевел взгляд на пульта приема: все семеро операторов сидели перед мониторами, и на их лицах отсвечивала зеленая сетка цифрового сканера местности.

«Ну, прямо как в морге», – ухмыльнувшись, подумал капитан.

Внезапно машина одного из операторов начала издавать короткие сигналы на высокой частоте. Морпех тут же оживился и направился к четвертому пульта, чтобы узнать, что происходит. Однако оператор не заставил себя долго ждать и первый доложил о происшествии:

– Радары засекли военно-транспортный самолет,двигающийся в нашу сторону по направлению юго-запад, прямо от сопки Н-15!

– Тоннаж? – нахмурился офицер.

– Судя по внешним данным, «Ил-76»! – произнес оператор.

– Ясно, – отрезал капитан. – Смотрите в оба, если что еще появится – я на рации.

Ситуация начинала резко меняться. Томительное ожидание, похоже, прекращалось. Все входило в новую фазу. Теперь уже все будет зависеть только от него, капитана. От того, насколько правильно он просчитает все то, что произойдет в ближайшее время.

Капитан еще раз окинул взглядом душную рубку и про себя порадовался тому, что больше не придется торчать за этими проклятыми пультами и можно будет заняться тем, чем он привык заниматься – воевать.

Быстро спустившись по винтовой лестнице, он выскочил наружу. Дежурный, который был проинформирован в первую очередь, уже включил сигнал «боевая тревога», и на плацу был выстроен весь личный состав части. Капитан прошелся вдоль рядов и отдал краткие команды по предстоящей обороне. Однако никому здесь ничего объяснять было не надо –

бойцы не хуже командира понимали свою задачу. Не тратя долго времени попусту, офицер отдал команду разойтись по местам несения боевого дежурства.

Через несколько минут база изменилась по сравнению с тем, чем она была еще двадцать минут назад. Визуально вроде бы все оставалось таким же: все так же ворочались тяжелые локаторы радаров, кружили альбатросы и били где-то внизу тяжелые морские волны. Вся разница была в том, что по периметру базы затаилось два взвода солдат, а все ракетное и противопехотное оружие было приведено в состояние боевой готовности. Стоит заметить, что на базе предпочтение отдавалось именно противовоздушным комплексам.

Не прошло и десяти минут, как вдалеке послышался рокот тяжелых моторов транспортного «Ила». Командиру базы даже не пришлось отдавать команду: все стволы тут же направились в сторону самолета, а солдаты терпеливо выжидали в укрытиях, готовые в любой момент выскочить на огневые позиции и изрешетить любого противника.

Офицера волновало только одно – как поведут себя десантники? Ведь высаживаться «в лоб» было бы глупостью – всем известно, что десантник в воздухе абсолютно беспомощен. Они и пятисот метров не пролетят, как будут изрешечены крупнокалиберными пулеметами. С другой стороны, зачем тогда «светить» самолет? Было очевидно, что он оборудован системой скрытия на малых высотах и без проблем мог обойти базу с тыла, где десантирование подразделения было гораздо более оправданным. А может, они так и поступили, и самолет – всего лишь обманный маневр? Но и тогда опасаться было нечего – база охраняется настолько тщательно, что все подходы и места швартовки свободно простреливаются метров на двести. А со стороны сопки ни один здравомыслящий командир подразделения не поведет: во-первых, их тут же заметят, а во-вторых, горный кряж находится прямо напротив входа в базу, а это противоречит всяким здравым принципам военной науки.

Однако долго гадать капитану не пришлось – как только прожекторы выхватили алюминиевую тушу самолета из предрассветной мглы, фюзеляж воздушного гиганта раскрылся, и из него, как из стручка горох, посыпались парашютисты. Визуально их было не меньше десяти человек. Однако они не предприняли никакого обходного маневра – было очевидно, что они приземляются прямо на территорию станции!

Капитан тут же включил рацию и отдал команду не стрелять по парашютистам. Он прикинул так – если они приземлятся на территорию базы (а они, очевидно, именно туда и попадут), их будет проще взять живьем, потому что пятикратный перевес живой силы отнюдь не мелочь в таких делах. А целое подразделение «языков» вместе с боевым офицером – улов гораздо более ценный, чем дюжина трупов на скалах.

Парашютисты все снижались.

– Я просто не могу поверить своим глазам, – покачав головой, произнес командир базы.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул стоявший рядом старший лейтенант, – можно было ожидать чего угодно, но не этого.

– Целое подразделение. Живое! В руки! – Капитан довольно потер руки. – Фортуна сегодня на нашей стороне. Что скажешь, старлей?

– И мы этот шанс не упустим. – На лице подчиненного показалась широкая улыбка.

– Ну, а теперь за дело...

Глава 4

Над долиной стелился густой пар, который, словно из паровой трубы, вырывался из высокой сопки на самом краю вулканической гряды. Снег падал мелкими хлопьями, и внутри огромного «котлована» было безветренно.

На заснеженный горный склон по очереди падали белые купола парашютов, из-под которых в считанные мгновения появлялись человеческие фигуры и быстро сматывали стропы в узел. Когда все парашютисты успешно приземлились, один из них указал на сопку, и они бегом, четко и слаженно, последовали за ведущим. Им был Батяня.

Его подразделение шло без задержек, энергично преодолевая преграды в виде огромных камней, поваленных деревьев и прочего природного мусора. Скорее всего, не так давно по этим местам прошла сильная вьюга, и поэтому бурелома на склонах сопки валялось предостаточно. Давал о себе знать и свежавывающий снег: он валил всего лишь со вчерашнего вечера, но снега здесь уже имелось столько, что дальше свободно передвигаться по котловану сопки было уже невозможно. Однако снег для подготовленного для таких испытаний солдата не помеха – Лавров командовал надеть лыжи, и мобильная группа с удвоенной скоростью начала подниматься вверх, прямо к вершине сопки.

Опытным десантникам не потребовалось много времени, чтобы преодолеть расстояние в четыреста метров. Через несколько минут они уже находились на вершине маленькой сопки, а Батяня с Абакумовым расположились на импровизированном наблюдательном пункте. Со стороны базы это место практически не просматривалось, поэтому Батяня мог спокойно наблюдать за происходящим там, не боясь быть замеченным.

Лавров принял к оптике бинокль: над базой все еще реяли белые купола, а противник на станции, по-видимому, ожидал приземления десанта. Батяня с легкой ухмылкой наблюдал за расположением сил противника: с этой точки там все смотрелось как на ладони. Возможно, командир базы не учел одного обстоятельства: вести наступление со стороны сопки действительно было невозможно и, мягко говоря, неоправданно опасно, но для того, чтобы вести наблюдение, сопка подходила просто идеально.

Прапорщик лежал рядом с Лавровым, глядя на то, что происходит в небе над станцией. Хотя на Камчатке стояла календарная осень, здесь, на побережье, начинало пуржить. Мелкий снег накрывал сопки и холмы, а из-за строения здешнего ландшафта еще и взвивался в воздух, создавая непролазную пелену. Абакумов был недоволен такими возможностями обзора, и поэтому, удостоверившись, что Батяня уже увидел все что нужно, спросил:

– Товарищ майор, разрешите бинокль? Хотелось бы взглянуть, что там и как.

К удивлению прапорщика, в этот момент майор был настроен предельно собранно. И, как это бывало в такие мгновения, говорить с ним не по делу было бесполезным. Батяня, не отрывая окуляров от глаз, коротко и веско заметил:

– Он тебе сейчас ни к чему. Готовь отделение к марш-броску.

Абакумов не стал пререкаться и отдал команду на выступление. Бойцы тут же поднялись с привала, взяли оружие наперехват и выстроились в колонну по одному. Перед броском прапорщик еще раз приказал проверить обмундирование и оружие. Батяня посмотрел на своих бойцов и довольно улыбнулся про себя. По поводу предстоящей операции у него имелись кое-какие соображения, но пока он их оставлял при себе.

«Молодцы, ребята!» – порадовался Батяня, глядя на своих «орлов».

* * *

Капитан удовлетворенно наблюдал за тем, как темные фигуры опускаются на территорию станции. Его бойцы внизу уже сгруппировались для захвата, и никаких шансов у парашютистов не было. В предвкушении победы офицер снова спустился по винтовой лестнице и оказался во внутреннем дворике. Фигуры парашютистов опускались все ниже и ниже. Четверо бойцов стояли с сетями, еще около десятка окружили место приземления, держа наготове винтовки. Да, идиотизм нападавших превосходил всякие рамки. Дети дошкольного возраста и то лучше управились бы с поставленной задачей. Офицер, не в силах сдержаться, коротко хохотнул. Дело практически сделано!

Наконец первый десантник приземлился. На него тут же набросили сеть, стреножили и перевернули на спину. И тут капитан чуть не подавился собственным языком от удивления. На припорошенной земле лежал грубый манекен человека, с пластиковыми глазами навывкате и дурацкой улыбкой, которая художественно подчеркивалась красным языком, намалеванным прямо на ткани мешковины.

– Что?! – прохрипел офицер, рванув ворот кителя.

Ему на мгновение показалось, что все это – какой-то идиотский сон. Ведь этого не может быть... Капитан тупо тряс в руках куклу, словно надеясь выбить из нее ответ по поводу происходящего. Опомившись, он сморщил лицо, с ненавистью бросив на землю цветного тряпичного уродца.

Окружавшие своего командира морские пехотинцы также опешили от такого зрелища. Дальше – больше. Во двор стали опускаться новые «бойцы противника». Нет, они не были в состоянии сопротивляться, не говоря уж о каких-то более активных действиях, но многие из морпехов почувствовали, как краска стыда заливает их щеки. Когда парашютисты повалились, как спелые груши, стало очевидно – весь десант в направлении базы был всего лишь уловкой. А основной удар будет нанесен...

Со стороны ворот раздался скрип, и тяжелые металлические створки начали открываться. Времени уже совсем не осталось, и это было худшим из того, что могло случиться.

– Закройте ворота! Быстрее! – что есть мочи заорал капитан. – Кто отдал приказ?!

Однако вместо ответа с вышки дежурного послышался звук борьбы. Судя по всему, тому, кто находился там, уже ничем нельзя было помочь. Командиру базы стало ясно, что его обвели вокруг пальца как последнего школьника:

– Все к воротам! Быстро!

Однако этот отчаянный запоздавший приказ уже не мог исправить ситуацию. В ворота ворвалось подразделение десанта, которое тут же рассыпалось по всей территории базы. Морпехи, нарушив строй, который они сбили для отражения атаки с воздуха, вынуждены были вступить в рукопашную схватку с противником. Капитан еще не терял надежды – быть может, численное превосходство и физические данные его подчиненных смогут склонить чашу весов в его сторону.

Однако десантники действовали молниеносно. Батяня, первым оказавшись на территории базы, резким ударом в челюсть вырубил двухметрового морского пехотинца и тут же нырнул вправо, уклоняясь от встречного удара напарника своей жертвы. Этот удар пришелся точно в ладонь Абакумова, который ничуть не уступал местным колоссам. Легко выкрутив сустав своего оппонента, прапорщик бросил его через плечо прямо в створку ворот. Бедняга потерял сознание, а остальные защитники немного отшатнулись, не ожидая подобного поворота событий.

В этот момент с противоположной стороны на крыше одного из ангаров показались еще двое десантников с автоматами. Поливая очередями подкрепление, которое спешило втя-

нуться в бой у ворот, они отходили к краю крыши. Тихо спрыгнув вниз, ребята без труда вырубали двух морпехов и бегом направились к зданию рубки. Капитан, находящийся на грани отчаяния, скомандовал остановить их любой ценой.

Восемь морпехов бросились наперерез штурмовой группе, но «голубые береты» решили действовать немного более изощренно. Специально притормозив, они увидели, что справа от них валяется кем-то неосмотрительно оставленная сеть (которая предназначалась именно для парашютистов). Один из бойцов жестом указал на сеть – второй молниеносно среагировал и схватил ее левый край, имитируя подготовку к прыжку. Морпехи окружили противника, и четверо человек отделились от группы, чтобы «взять» этих налетчиков. Внезапно один из десантников рванул сеть, а второй выдал очередь прямо под ноги тем незадачливым громилам, которые остались стоять поодаль. Как результат – четверо в сети, четверо на земле, оглушенные и, как казалось, с простреленными ступнями.

Оставив своих ребят наводить порядок на воротах, Лавров быстро прорвался ко входу в рубку, лично возглавив прорыв ударной группы. В это время во внутреннем дворике разыгралась целая баталия: около двадцати огромных парней в черном камуфляже безуспешно пытались скрутить восьмерых десантников.

Абакумов, не зная устали, то и дело предоставлял всем желающим уникальную возможность познакомиться с его увесистым кулаком. Юркие и гораздо более ловкие парашютисты валили громил, не забывая лишать их оружия и всякого желания продолжать борьбу. Через пять минут борьба в основном была закончена – поверженные морпехи толпились под присмотром четырех десантников, а остальные поспешили на помощь своему командиру, не забыв расстрелять по пути несколько особо ярких прожекторов.

Внутри рубки события разворачивались еще более стремительно. Практически без единого выстрела Батяня и двое его помощников освободили коридор и направились к винтовой лестнице. Однако капитан оказался человеком, который не привык сдаваться. Верхний люк рубки тут же задраили, а со стороны входа к Батяне уже бежали человек шесть охраны, вооруженных винтовками «М-16». Но и тут Лавров проявил армейскую смекалку – указав своим ребятам на письменный стол, стоящий в углу, он для большей убедительности прострочил автоматом по стенке коридора. Морпехи тут же упали, начав отстреливаться. Когда выстрелы со стороны атакующих умолкли, Батяня достал световую гранату, рванул чеку и зашвырнул заряд за угол.

Через секунду в коридоре валялись шестеро бойцов противника, ослепленных неожиданной вспышкой, в то время как Батяня и двое десантников чуть ли не ухохатывались за предусмотрительно поваленным столом. Дальше они, резво поднявшись по лестнице, прострелили замок и под взаимным прикрытием проникли в рубку. Из окна Батяня с удовлетворением отметил, что никакого сопротивления оборонявшиеся уже не оказывали. Абакумов стоял внизу, победно размахивая трофейной винтовкой.

У дальнего окна виднелась фигура человека в мундире.

– Добрый день, уважаемый противник! – шутливо крикнул Батяня. – Я вижу, мы прибыли как нельзя вовремя. Ведь нельзя же, в самом деле, ограничиться одними тряпичными куклами. Раз уж приходится в гости, то в полном составе.

Настроение у майора было просто великолепным, и он не смог отказать себе в удовольствии немного пошутить над поверженным неприятелем. Конечно, мало приятного выслушивать о себе разные колкости, но на то она и армия, чтобы кто-то выигрывал, а кто-то оставался... в дураках.

– Лавров, вы когда-нибудь вообще ошибаетесь? – с досадой ответил капитан Алешин. – Или у вас все всегда в порядке?

Капитан нервно покусывал губы. Он старался не подавать вида, но скрыть раздражение было трудно. Провалить такую операцию – это ж просто черт знает что! И виноват во всем

именно он, капитан. А значит, спрашивать будут с него. И выводы соответствующие сделают по поводу именно его. Нет, не в выводах и нагоняях дело, а в том, что проиграл...

Десантники с недоумением посмотрели на Батяню. То, что происходило, вызывало недоумение теперь у них.

– Бойцы, выражаю вам личную благодарность за великолепно проведенную операцию! Все было, как на настоящей войне – и вы сделали все так, как умеют только бойцы ВДВ. Молодцы, ребята, молодцы! – Батяня был доволен исходом операции и не скрывал этого.

После того, как по громкоговорителю было объявлено о захвате базы «противника» и окончании учений, во дворе раздался смех. Прапорщик помог подняться одному из морпехов и поздоровался с ним, как старый боевой товарищ. Десантники немного опешили от такого развития событий, но Абакумов объяснил им все буквально в двух предложениях.

Капитан, отведя Батяню в сторонку, спросил полупшепотом:

– Лавров, объясни мне, где же вы, собаки, высадились?

Тут майор и раскрыл всю соль операции. Он и сам прекрасно понимал, что высаживаться «в лоб» – чистое самоубийство. Поэтому и приготовил несколько манекенов, которые были успешно захвачены морпехами на внутренней площадке. А высадка проводилась затяжным прыжком (вот почему десантники могли наблюдать еще планирующие купола парашютов «десанта», хотя прыгали позже), да и наступление шло со стороны сопки, потому что туда, вероятнее всего, никто смотреть бы и не стал. Так и произошло. Алешин слушал и, казалось, стыдился своих некомпетентных действий.

– Ну да что я тебе рассказываю! – внезапно оборвал свой монолог Батяня. – Завтра в штабе тебе и так плюх понавешают. А сейчас пойдем к ребятам – мои ведь до сих пор толком не поняли, что они на учениях.

Глава 5

Солнце встало уже довольно высоко, но по-зимнему морозило, и яркий свет не давал тепла. На большом плато рядом с российской военной частью береговой охраны была расставлена огромная армейская палатка. Из труб тяжелых чугунных «буржеек» валил дым, а внутри палатки полным ходом шло приготовление к масштабному обеду.

Батяня и Алешин, разговаривая, шли рядом. Прапорщик и группа «морпехов противника» сидели немного поодаль палатки, курили и очень громко выражали свои эмоции по поводу проведенной операции. Дело в том, что буквально через пару часов после захвата станции оба командира были вызваны в штаб, где командир учений, генерал Коробейников, провел детальный «разбор полетов». Действия подразделения майора Лаврова и его личная смекалка были оценены на «отлично», а вот капитан Алешин получил за тактический просчет по полной программе.

Однако, так или иначе, цель учений была достигнута, и до завтрашнего утра бывшие противники могли забыть о том, что они находятся на боевом дежурстве, и немного расслабиться.

Трудно передать, в какой эйфории пребывали десантники. Они ведь до последней секунды воображали, что идет настоящее сражение, что в их магазинах настоящие патроны и что в крайнем случае им придется заминировать и подорвать базу. Последний факт был выдуман самим Батяней для большей остроты, что еще раз подтверждало его незаурядные знания в психологии. И каково было их удивление, когда они услышали по громкоговорителю слова благодарности от своего командира и сообщение об официальном окончании учений! Поэтому сейчас «голубые береты» чувствовали себя настоящими победителями и с некоторой гордостью поглядывали на ребят из береговой охраны – тех самых, которым выпала честь играть роль американских морпехов. Однако никаких признаков враждебности ни та, ни другая стороны не проявляли: наоборот, те, кто еще несколько часов назад готовы были в буквальном смысле слова истребить друг друга, сейчас душевно беседовали о делах мирских и с нетерпением ждали солдатского обеда.

Командиры наконец устали от постоянной ходьбы и присели на каком-то бревне.

– Закурим? – Батяня извлек пачку сигарет.

– Не курю, – отрицательно мотнул головой Алешин, – четыре года как бросил.

– А я, грешным делом, подымлю! – Батяня со смаком втянул в себя сигаретный дым. – Я тоже, знаешь, в свое время хотел бросить...

– И что, не получилось? – иронично поинтересовался Алешин.

– Да нет, – пожал плечами Лавров, – не в этом дело. Просто подумал: жизнь и так вещь непредсказуемая. И если ее еще самому себе гробить, то никакого удовольствия от такой жизни быть не может. Так что мне и так неплохо.

По лицу капитана было видно, что он борется с досадой и восхищением по поводу десантников Лаврова, разгромивших его вчистую. Пару минут оба молча сидели на бревнышке и думали кто о чем. Батяня вспоминал родное Поволжье и уже втихую начинал подумывать о том, не откомандироваться ли ему на пару недель домой, к родным. Ведь за последние девять лет он бывал дома всего четыре раза – а это выглядело как-то не очень убедительно, с точки зрения его матери.

Алешин же был несколько более приземлен в своих чаяниях. Он размышлял о том, каким образом мог избежать поражения при захвате базы. Он, конечно, искренне отдал должное командирскому таланту Батяни, однако собственная оплошность не давала ему покоя. Нельзя сказать, чтобы капитан был человеком чрезмерно честолюбивым, но столь обидный проигрыш явно задел в нем офицерскую честь.

Вдруг из палатки послышался вой корабельной сирены. Батяня чуть не грохнулся с бревна, а Абакумов от неожиданности уронил окурок в сапог одному из морпехов, чем последний явно огорчился. Виновниками этого маленького сюрприза стали местные вояки, которые решили установить корабельный сигнал в палатку, дабы по несколько раз не надрывать глотку, зазывая всех обитателей части на «торжественную трапезу». Так как обстановка была довольно неформальной, офицеры простили рядовым эту дерзкую выходку, но, исключительно во имя соблюдения старого обычая, парочка инициаторов была отправлена в «тройной» наряд.

Застолье началось бурно и без лишних прелюдий. Перед тем как сесть за стол, Батяня, как старший по званию, поздравил всех с успешным окончанием учений и предложил поднять первую стопку, по традиции, за погибших товарищей. Никто не стал спорить, и первые несколько минут прошли в молчании. К сожалению, большинству сидящих за столом было что вспомнить.

Но, как говорится, кто былое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому два. После столь грустного вступления зверский аппетит и усталость взяли свое, и застолье быстро переросло в небольшую дружескую попойку – в разумных, конечно, пределах. Совсем скоро Алешин, махнув на все рукой, и думать забыл об учениях и начал рассказывать Батяне о Камчатке.

– Ты понимаешь, я же на Камчатке не первый год служу. Пять лет у меня выслуги здесь. Места, я тебе скажу, интереснейшие. Не поверишь, за это время такого насмотрелся – мама не горюй! – Алешин подцепил вилкой соленый огурчик и с хрустом прожевал.

Батяня и не сомневался, что здесь, на Камчатке, будет на что посмотреть. Как оказалось, капитан не обманул его ожидания...

– Так вот, природа тут, как ты уже, наверное, успел убедиться – это что-то невероятное. С одной стороны, кажется – мрак и тихий ужас. – Тут Алешин скорчил довольно комичную гримасу, отчего Батяня позволил себе хохотнуть. – А с другой – такой, знаешь, просто первобытный какой-то покой. Тут же как: если с севера идти, то климат арктический. Ну, то есть вечная зима по-нашему. Дальше, по побережью – тут теплее, потому что море рядом. Ну а в глубине совсем уже по-божески – иногда температура как нашей весной, но очень редко. Тут, знаешь, не то чтобы на каком-нибудь полюсе, как многие думают. Тут полгода все зеленое-зеленое – а вот когда осень, зима, и первая половина весны – вот тут уже, конечно, дает жару... то есть снегу.

Батяня слушал Алешина и невольно вспоминал тот пейзаж, который он успел охватить перед вылетом. Действительно, суровая и грубая природа Камчатки как-то затягивала. При первом знакомстве серо-зеленые равнины из камня, горного мха и хвойника не вызывали особого восторга, особенно если ты понимал, что тебе придется провести здесь некоторое время не в самых комфортных условиях. Однако буквально через пару часов человек начинал просто задыхаться от обилия кислорода, непреодолимо тянуло к морю.

– А с рыбалкой? – задал Лавров немаловажный для него вопрос.

– Ну, здесь даже не о чем говорить! – ухмыльнулся Алешин. – Чавыча, кета, кижуч, форель, горбуша... Да я час могу перечислять то, что здесь водится. Но лучше, как ты сам понимаешь, один раз увидеть... Лучшего места, чем Камчатка, ты нигде не найдешь.

– Все так говорят...

– Увидишь, – многообещающе заверил капитан. – Я за свои слова отвечаю.

Батяня хотел сострить, что и насчет исхода недавней операции капитан, наверное, тоже ручался головой, но не стал добивать хорошего человека.

– А как у вас тут с местными жителями? Общий язык быстро нашли? – поинтересовался Батяня.

Он был человеком равнодушным и постоянно интересовался вещами, которые, в силу его рода деятельности, были недоступны в «массовом» изложении. Однако «туристическому» опыту Батяни мог позавидовать любой путешественник: объездить практически все экзотиче-

ские страны от Непала до Бразилии, да еще попасть в каждой стране в пять-шесть экстремальных ситуаций – это дело непростое.

– Ты про коряков, что ли? – Было заметно, что Алешин немного «окошел» от неосторожно выпитого спирта. По старой привычке он глушил его залпом, но из-за «крупного нервного потрясения» алкоголь непривычно быстро добрался до его языка. – Да ты что, эти эскимосы, коряки, алеуты – тихони редкие, народ мирный. Рыбачат себе потихоньку, зверя бьют, изредка в город выбираются, чтобы шкуры и кость продать.

– Так что, они совсем туземцы, что ли? – Батяне было интересно, насколько правдив архетип этих народов из старых советских анекдотов, и поэтому ему хотелось вытянуть как можно больше информации.

– Ну, не то чтобы совсем! – Алешин начал немного важничать: отчасти из-за выпитого, отчасти из-за того, что ощущал явный информационный перевес в свою сторону. – Они, конечно, еще не совсем окультурились, в нашем понимании. Никак, понимаешь, не хотят в города подаваться. Детей еще как-то уговаривают в школы отдавать – да и то, за ними на снегоходах и вездеходах ездят. А вот остальных, которые постарше, – никаким калачом не заманишь! Привыкли они на санках своих по тундре гонять, оленей бить без счету и горбушей давиться. Вот и не хотят в город, мол, делать там нечего и все прочее. Тем более они же ведь все того, – капитан многозначительно пошевелил растопыренными пальцами у виска, – шаманят.

– Как это – «шаманят»? – Батяня, сдвинув брови, вслушался в слова капитана и решил, что излишним будет переспросить.

– Ну, как-как – натурально! Одеваются в шкуры, бьют в свой дикий бубен и чего-то там себе орут. Сам видел – зрелище, надо сказать, не для слабонервных. Я слышал, они себя чем-то накуривают до беспамятства, а потом беснуются, как черти, – в голосе капитана слышалась некоторая ирония. – Стоит заметить, что несмотря на то, что большинство коряков указывают в графе «вероисповедание» православие, почти все они практикуют анимизм и не гнушаются «бесовской» веры в предков.

– Интересно... – Батяня был увлечен рассказом своего коллеги и почти не ел.

С магией и колдовством он уже сталкивался, только не на родной земле, а в несколько более экзотических частях земного шара. Впрочем, учитывая местоположение Камчатки, стоило признать, что в смысле отдаленности это еще та земля.

– Это еще что! – Алешин, с каждым новым фактом вспоминая еще три, похоже, не на шутку распалился. – Тут у нас недавно вообще НЛО видели! Представь себе: надолбились беленой своей, выходят из палатки, а тут – бац! – НЛО в небе! Вот же фантазеры, мать их! – Капитан рассмеялся, а Батяня только из вежливости растянул губы в жесткой улыбке.

Он не очень-то одобрял такое отношение к чему бы то ни было, особенно если это «что бы то ни было» наматывает круги рядом с засекреченным военным объектом.

Вдруг в палатку буквально влетел молодой лейтенант. Он быстрым шагом подошел к тому месту, где сидели Лавров и Алешин, козырнул:

– Товарищ майор! Разрешите доложить! – Было видно, что офицер торопился, а в расслабленной атмосфере банкета это смотрелось несколько неправильно.

Батяня, не ожидавший сейчас такой официозности, позволил себе небольшой каламбур. Придвинув миску поближе к офицеру, он встал, надел полевую фуражку и утробным басом ответил:

– Докладывайте! – «Спародированный» голос Батяни до крайности напоминал одного важного и всем известного военного чина, так что вся палатка легла со смеху, но лейтенант оставался серьезным.

Поняв, что дело все-таки важное, Лавров попросил прощения у товарищей и вышел с лейтенантом из палатки.

– Что у вас?

– Товарищ майор, в Усть-Камчатске какой-то корякский мальчик принес в школу фотографии неопознанного летательного объекта, – сообщил офицер. – Утверждает, что аппарат направлялся вчера вечером в сторону сопки Ключевская, но потом ушел на восток.

«Опять НЛО, – подумал Лавров, – не слишком ли часто они тут появляются?» Все это было, безусловно, интересно, но к специалистам в этой области майор отнести себя никак не мог.

– Ну, а я тут при чем? – недоумевал он вслух.

– Генерал Минин передал, чтобы вы немедленно вылетели в Ключи-20. Похоже, в этом НЛО гораздо больше правды, чем мальчишеского воображения.

– Твою мать... – Батяня огорченно развернулся и зашагал обратно в палатку.

Посиделки заканчивались, но это было еще полбеды. Видимо, в который раз планы майора будут перекрыты обстоятельствами, от него не зависящими. Судя по всему, о неделе на побывке теперь можно было напрочь забыть.

«Вот ведь забавно получается, – раздраженно размышлял Лавров, – такое впечатление, что в ВДВ на все аварийные ситуации существую только я. Но ведь майор вам не робот, ему тоже отдых нужен!»

Впрочем, в глубине души Батяне, как человеку действия, было все же приятно, что он нужен. Нет, в этом не было тщеславия или самовлюбленности – к себе майор относился в высшей степени самокритично. Но ощущение того, что на тебя рассчитывают, тебе доверяют – не самое плохое ощущение...

Глава 6

Безграничная тундра простиралась до самой линии горизонта, и солнце освещало верхушки каменных берез багрово-золотыми лучами. По каменистой дороге мчались нарты, в которых сидел старик в одежде из оленьих шкур. Его голову украшала странная перевязь, на которой развевались пестрые разноцветные ленты. Это были асты.

Астами у коряков назывались все те вещи, которые преподносились шаману в уплату за камлание. Часто тому, кто умеет общаться с духами, дарили разноцветные ленты, которые он пришивает на шаманское платье и на перевязь для волос. Ленты разных цветов обозначают различные задачи, решенные при камланиях. К примеру, черная лента дается при излечении шизофрении, наркомании, изгнании духов. Красная лента – после излечения различных физических травм. Узелки на ленточках означают победу над своим врагом, причем коряки свято верили, что в этих узелках обитали души их поверженных недругов.

В этом прослеживался некоторый меркантилизм шаманской традиции. Делать что-либо даром у шаманов не полагается, так как все принесенные дары идут не только шаману, но и духам, а задаром духи помогать не станут. Стандартного размера оплаты за такую помощь нет, и поэтому люди, решившие обратиться за помощью к шаману, отдают в уплату то, что могут.

Среди коряков действует и еще один, экзотический для современного мира закон: чем больше отдаешь – тем больше получаешь. Если плата за шаманство маленькая, то человек не отнесется серьезно к тому, что скажет и сделает шаман. Так что и в отношениях с духами оплата, как сказали бы городские торгаша, сдельная.

Естественно, этим колоритным стариком, мчавшимся на собаках, являлся Степан Теченеут. Он ехал на поиски «НЛО» для того, чтобы разобраться в недавнем происшествии. У самого шамана не было никаких сомнений: то, что случилось прошлой ночью, – это свидетельство милости духов воды, это предсказание. Только вот его соплеменники после критического замечания «слишком умного» внука как-то поостыли и теперь не сильно верили в то, что древние корякские духи вдруг, после стольких лет молчания, явили им некий мистический знак.

Продвигаясь вперед, Теченеут рассуждал о том, как все же меняются времена. Если раньше любой корякский пацан считал для себя величайшей честью услышать похвалу шамана, то сегодня – все наоборот. Каждый сопляк, проучившийся три класса, уже считает себя профессором, не меньше. То, что Степан когда-то получал от своих предков в качестве одного из главных законов существования, теперь считают чуть ли не пережитком и анахронизмом. И кто те самые, что стремятся поскорее переселиться в город и забыть свое...

Нарты выехали на небольшой пригорок, и Теченеут осадил своих собак. Перед ним растянулось бескрайнее полотно тундры, немного заснеженной недавним снегопадом. Старик закрыл глаза и начал тихо, почти про себя, читать заклинание. Он верил, что если заговорить тундру, то она пропустит его через свои дебри. Шаман вылез из повозки, достал из прелого сена шкуру песца и встал на колени перед огромной каменной березой. Коряки называли их каменными из-за феноменально жесткой коры, один кусок которой мог гореть на протяжении всей ночи, согревая своим теплом трех-четыре человека. Шаманы северных племен почитали это дерево, и с его появлением у них было связано множество довольно впечатляющих мифов.

Закончив свой нехитрый ритуал, Теченеут подошел к одной из собак и потрепал ее за загривок. Это была огромная ездовая собака, по-видимому, уже в возрасте. Однако крепкие лапы и мощная спина указывали на то, что этот волкодав мог дать фору многим молодым псам.

Коряки, как правило, в нарты запрягают девять собак. Головная собака – это вожак, который является, говоря по-нашему, «непререкаемым авторитетом» в упряжке. В принципе, одна полная упряжка нарт – это почти стая. И это утверждение отнюдь небезосновательно.

Дело в том, что ездовых собак коряки-охотники кормят и держат только зимой, во время промысла. Весной большинство собак отпускают, и те сами заботятся о своем пропитании. При охотнике остается лишь вожак стаи, который проводит все межсезонье со своим хозяином. В конце лета, за несколько недель до промысла, коряки отлавливают нужное им количество собак, прикармливают пару дней, а потом впрягают в постромки. Через неделю вожак, которого хозяин кормил все лето, вышкаливает всю стаю – и упряжка готова.

Шаман еще раз глянул на горизонт: солнце уже начинало садиться, и ему надо было позаботиться о месте своего ночлега. Ночь в тундре – это верная смерть для любого неподготовленного человека. Если он не замерзнет, то его, скорее всего, сожрут дикие звери. Но коряки, несмотря на всю свою суеверность, никогда не боялись в одиночку проводить ночь в тундре. Веками они вырабатывали навыки безопасности и выживания в условиях дикой природы, и поэтому редкий человек из племени брал кого-нибудь в сопровождение, выезжая на промысел.

Через несколько километров сплошная тундра кончилась, и перед Теченеутом развернулась фантастическая картина: огромная речная низина, испещренная каньонами и гейзерами. При всей своей красоте в этом было кое-что не очень приятное: этот отрезок пути шаману придется преодолеть пешком, потому что гейзеры растопляют снег, а река вымывает наносы по излучине, и поэтому снег постоянно сползает к воде. По таким местам ехать не столько неудобно, сколько опасно: если не сломаются полоза, то у ездока есть реальная возможность вместе с селевым пластом оказаться в бурной камчатской реке.

Старик спешил, отстегнул собак и взял нарты на спину. Две псины сразу же бросились к реке, но вожак мгновенно дал им понять, что всякое своеволие будет жестоко наказано. Шаман начал аккуратно спускаться по краешку одного из каньонов, и вся стая последовала за ним. Но старик, казалось, даже не обращал внимания ни на пологий скользкий склон, ни на стаю полудиких собак у себя за спиной, ни на тяжелую для его возраста ношу на плечах.

Все его мысли были заняты мерцающим объектом. Он пытался припомнить, не рассказывали ли о таких вещах его отец или дед. Однако ничего подобного в их племени никогда не происходило – разве что однажды, на ительменской ночевке, они видели похожее мерцание. Сначала все решили, что это северное сияние или звезда, но светящаяся точка начала расти, а потом так быстро ушла за линию горизонта, что никто даже не успел толком рассмотреть этот объект. Тогда Степан был еще юношей, и его дед сказал, что это была ледяная птица Аэвара, каменного гиганта из Срединных гор. По поверьям коренного населения этого края, птица приносила несчастья и смерть, потому что ее ледяные перья незаметно для человеческого глаза проникают прямо в сердце жертвы, и человек сгорает за считанные дни. Правда, потом на это место приехали какие-то военные специалисты, покрутились вокруг и раздали всем странные ампулы с прозрачной жидкостью. Они называли это «антидот» и заставляли всех сделать прививку. Степан не понимал, что происходит, но после массового прививания количество смертей резко сократилось.

Обогнув гейзер, старик вышел прямо на берег реки. Течение в ней было уже не такое сильное, как летом – зима начинала сковывать берега тонким льдом, и плотность воды потихоньку повышалась. Этих тонкостей физики старик не знал, но был уверен, что река течет из-за того, что где-то далеко в горах есть огромная дыра, глубиной до самого конца земли. И там, в недрах, живет добрый бог воды, Ирренгу, который любит людей и поэтому дает им воду и позволяет ловить рыбу. Коряки очень почитали это божество, и шаманы должны были всячески улаживать его.

Перейдя реку по одному из бродов, старик спустился к каменному пригорку. За ним начиналась дорога. Правда, дорогой в полном смысле это трудно было назвать – скорее, это была какая-то заброшенная просека в чаще. Коряк вновь поставил нарты, запряг собак и продолжил свой путь. Его все еще занимала мысль о знамении. Он слышал много легенд о явлениях каменного гиганта, ледяного волка и множества других опасных существ. И все они пред-

варялись каким-либо небесным явлением. Да и северное сияние прошлой луной было не таким ярким, как обычно. Шаман начинал все серьезнее задумываться о том, что вчерашний случай – это только первая ласточка грядущего катаклизма.

Старик продвигался все дальше и дальше, и над тундрой начало смеркаться. Однако шамана больше заботило другое: он чувствовал, что приближается буран. Даже днем он представляет для незащищенного путника огромную опасность, а уж ночью, в тридцатиградусный мороз, и подавно. Нельзя сказать, что он очень уж переживал по этому поводу. Не первый раз ему приходилось ночевать в тундре: какая охота без шамана? Поэтому добытчики из его племени часто брали его на промысел, особенно когда ходили бить крупного зверя. А в этих путешествиях Степан насмотрелся такого, что теперь в лесу ему ничего не могло угрожать, будь он хоть совершенного голый и с одной спичкой в руках.

Недалеко от излучины коряк нашел подходящее плато, которое располагалось с подветренной стороны маленькой «мертвой» сопки. Там старик поставил нарты и расчистил место для палатки и кострища. Собаки по своей дикой привычке зарылись в сугробы, и только вожак все еще оставался с хозяином, охраняя его от возможной опасности.

Шаман не стал медлить и за несколько минут развернул низкую палатку из шкур. Однако для того, чтобы не замерзнуть ночью, ему был необходим костер. А лучшего топлива, чем кора каменной березы, придумать было нельзя, да и незачем: здесь это дерево произрастало фактически везде.

Взяв с собой острую палку, которой обычно пробивают лед в заводах, и старый карабин системы Симонова, старик двинулся в ближайший перелесок. Стоит заметить, что эти карабины были в ходу у местных жителей – неприхотливость оружия и его дешевизна были самыми подходящими качествами для камчатской глуши.

Опытному коряку не потребовалось много времени на то, чтобы отыскать подходящее дерево. Казалось бы, деревьев уйма, и с любого можно надрать сколько угодно этой волшебной коры. Но не со всякой березы можно снять кору. Во-первых, из-за ее крепости. Если кора не отошла в некоторых местах или не отвалилась сама, то отдирать ее от ствола – занятие практически безнадежное. Во-вторых, из-за первобытного уважения к природе и лесу. Если березу «заставить» отдать кору, то это, по убеждениям всех жителей Севера, может навлечь на человека большую беду. Духи леса не прощают вмешательства в свои владения.

Шаман удовлетворенно хмыкнул, посмотрев на один из стволов. Кора отошла снизу, и потому ее можно было аккуратно подрезать по бокам, а потом оторвать, не причинив никакого вреда дереву. Старик достал острый охотничий нож и принялся пилить кору, стараясь поддеть ее кончиком лезвия. Внезапно вожак, который не отходил от хозяина ни на шаг, злобно зарычал. Старик оторвался от своего занятия и развернулся. Глядя туда, Теченеут побледнел, и нож, выпавший из разжатой руки, вонзился прямо в корень березы.

Глава 7

Река Камчатка несла свои воды по скалистым склонам суровых корякских земель, время от времени расширяясь и заливая водой болотистые низины в предгорных областях. В одной из таких низин, вдали от цивилизованного мира, расположился маленький поселок со странным названием – Ключи-20.

Этот засекреченный населенный пункт был одним из военных городков, которые в силу своих функций и расположения вынуждены были носить на себе гриф «совершенно секретно». С населением всего в шесть тысяч человек, он являлся важнейшим объектом российской стратегической инициативы – все его жители занимались тем, что обслуживали секретный полигон Кура, с которого проводились экспериментальные запуски баллистических ракет. Основное предназначение базы – прием головных частей баллистических ракет после испытательных и тренировочных запусков, контроль параметров их входа в атмосферу и точности попадания.

О его значимости свидетельствовал и еще один факт: для наблюдения за этим полигоном США содержат постоянную станцию наблюдения «Eareckson Air Station» почти в тысяче километров от полигона, на одном из алеутских островов Аляски. База оснащена радаром и самолетами для наблюдения попаданий на полигоне. Короче говоря – объект крайней важности...

Однако не стоит полагать, что местные жители света белого не видят и целыми днями носятся с грибными лукошками, собирая по болоту ядерные фугасы. Жизнь здесь идет своим чередом, подвоз продовольствия и бытовых грузов – не хуже, чем в любом приличном райцентре. Ведь для исключительных целей требуется исключительное обеспечение – без этого эффективность работы тысяч людей ставилась бы под угрозу.

Рано утром над поселком пролетел военный вертолет и вскоре приземлился на территории части. Пригнувшись, чтобы после такого количества подвигов и отчаянных операций позорно не погибнуть от лопастей винтокрылой машины, из него вышли Батяня и Абакумов. Дело в том, что майор наотрез отказался ехать в одиночестве – местные пейзажи навевали на него смертную скуку, а лететь несколько часов одному было для него сегодня испытанием похлеще, чем какая-нибудь гражданская война в Эфиопии.

Их встретил подполковник, что очень польстило Абакумову. Не каждый день подполковник секретного объекта первым отдает воинское приветствие прапорщику из поволжской части ВДВ! После короткой беседы подполковник объяснил, что товарищ генерал желает видеть исключительно майора Лаврова. Прапорщик несколько не огорчился, потому как его альтернативой в этом случае было трехчасовое времяпрепровождение в столовой. А отказываться от хорошего обеда было, по железному мнению Абакумова, дурным тоном.

Батяню же пригласили в дежурный «уазик» и повезли куда-то на край поселка. Пока машина проезжала по городку, майор с любопытством осматривал местные улицы, прохожих, магазины, кинотеатр. Хотя специфика его работы заставляла его бывать в местах, недоступных большинству смертных, в этом засекреченном городе он был впервые. Лавров, конечно, понимал, что запуганные местные жители с пятью руками – это обычный бред в духе желтой прессы, пишущей о том, что здешние люди должны быть какими-то не такими. Однако внешне те ничем не отличались от горожан на материке. Никаких лишних рук, естественно, не было. Дети и женщины тоже казались вполне настоящими и даже на удивление довольными. Тут у Батяни разыгралось чувство гордости за русских женщин, настоящих офицерских жен. Ведь сегодня далеко не каждая девушка согласится выйти замуж за русского офицера и скитаться неизвестно сколько по «местам ограниченного комфорта».

За всеми этими размышлениями Батяня и не заметил, как машина выехала за пределы поселка и свернула к маленькому озерцу. Через пару минут Лавров увидел, что на берегу озера располагался миниатюрный комплекс а-ля «русская усадьба». Небольшой гостининый домик,

баня, беседка и какие-то хозяйственные постройки, сработанные из массивных бревен, создавали впечатление среднерусского гостиничного комплекса для туристов.

Когда Батяня вышел из автомобиля, его встретил полный мужчина среднего возраста, с рыхлым, но довольно суровым лицом. Он был одет в гражданское, но Лавров сразу узнал генерала Минина. Без лишних прелюдий сопровождающие майора были отправлены в пристройку, а генерал пригласил гостя попариться с дорожки.

* * *

Генерал Владимир Петрович Минин, как любой настоящий любитель бани, ловким движением «поддал парку» и начал нещадно охаживать себя добротным березовым веником.

– Ну что, как пар? – с наслаждением пробасил он.

– Спасибо, товарищ генерал, в самый раз. – Батяня, не особо привыкший к таким дозам горячего воздуха, почувствовал, что у него немного перехватило глотку.

– Ну да что ты, ведь не на плацу! – резонно заметил хозяин усадьбы и по-дружески перетянул майора веником по спине. Батяня шутливо скривил лицо, но в долгу не остался.

– Самая, Лавров, полезная на свете вещь – это русская баня! – провозгласил Минин. – С любым стоящим доктором поговори, и он тебе то же самое скажет. Я сам в этом деле, можно сказать, профессионалом стал и всем советую почаще там бывать. Любую хворь убивает наповал!

Батяня кивнул, соглашаясь с генералом. Вместе с тем Лавров подумал и о том, что у него, в отличие от старого армейского товарища, свободного времени куда как меньше. Добровольное истязание, приносящее только положительные эмоции, продолжалось. Клубы пара заполняли все пространство.

Через несколько минут исхлестанные березовыми букетами мужики сидели на лавках в парилке, потягивали холодный квас и гоготали. Если бы кто-нибудь посмотрел на это зрелище со стороны, он наверняка бы заметил одну интересную деталь: у Минина на правом плече красовалась наколка «Кандагар-87», и точно такая же татуировка была набита на предплечье у Батяни.

– Эх, Лавров, а ведь были времена! Помнишь, как мы с ребятами духов месили? – Генерал, видимо, соскучился по звуку «настоящих» выстрелов, и поэтому самозабвенно предавался приятным воспоминаниям.

Сейчас, глядя на несколько расплывшуюся фигуру генерала, трудно было в нем узнать того старлея, который резво бегал по горам Афгана. Время, как говорится, брало свое.

– Да чего тут вспоминать. – Батяня явно был настроен более скептически. Он вообще не любил вспоминать свои боевые подвиги, потому что зачастую рядом с ним гибли его боевые товарищи. – Война есть война. Всегда так было, да и всегда так будет.

Как человек военный, Лавров считал, что как бы человечество ни ухищрялось в смысле мирных инициатив, в обозримом будущем ожидать того, что проблемы и разногласия будут решаться мирно, не приходится.

– Ну что ты как старик! – Минин явно был настроен на веселую беседу «за жизнь», и столь жесткое парирование собеседника его немного расстроило. – Ведь было же? Было. Так и нечего тут стесняться! Да, много наших там полегло. Но ведь сам говоришь – война. А на войне что? На войне убивают!

– Знаешь такую поговорку: кто былое помянет, тому глаз вон. А кто забудет, – тут Батяня резко посмотрел в глаза генералу, – а кто забудет – тому два!

– Ладно-ладно, не хочешь говорить – не надо. Я же не настаиваю. – Минин понял, что продолжать разговор в подобном ключе значило похоронить всякую надежду на приятный

вечер в компании старого друга. – Ты прав, тема вовсе не подходящая. Вечер-то сегодня, надо сказать, на удивление погожий.

Батяня слегка улыбнулся. Да, бывает же такое в жизни! Вроде начинали служить в одной роте, в Афгане. А как судьба сложилась? На Минине теперь генеральские погоны и лампасы парадные, а у него, боевого офицера, сто наград и дырка в кармане.

– А ты, я вижу, все еще в майорах, – как будто бы читая мысли Батяни, произнес собеседник, – не пора ли делать новый шаг вверх, а?

Лавров глотнул кваса, поставил кружку и ответил в свойственной ему манере жесткого юмора:

– Я уж лучше в майорах, чем жопой на нормативных документах.

– Эх, Лавров, был бы ты гибче... – Минину пришлось не по душе эти слова, и он отчасти принял образ «жопы на документах» на собственный счет.

– Ты сам знаешь, кто гибче гнется... – На этот раз Батяня обошелся без скабрзностей. – Только вот на пенсию хочу уйти с чистыми руками.

– Да ну тебя! О чем с тобой ни заговоришь – так потом повеситься хочется! – Несмотря на произнесенные слова, Минин, видимо, не так уж и сильно расстроился. Казалось, ему не хотелось омрачать столь знаменательную встречу какими-то служебными обидами. – Ладно, пойдем-ка в гостиную. А то там уже все стынет. Разговоры на голодный желудок – это хуже не бывает!

Минин и сам прекрасно знал, что уговорами тут делу не поможешь. Характер Лаврова был известен всем. И если как специалисту в своей области ему цены не было, то насчет «компромиссов» Батяня тоже являлся классическим примером, на этот раз неуступчивости.

Идя по двору, Лавров окидывал взглядом дом, ладные постройки вокруг. Да, жизнь кабинетного работника имеет массу отличий...

В гостиной уже был накрыт приличный стол. Для того, чтобы «не травмировать психику подчиненных», Минин решил особо не выкаблучиваться. Все было в меру, по-северному. Рыба, оленина, икра, разнообразные соленья, клюквенный морс и венец любого русского стола – граненый штоф водки.

– Такой бы стол – да к нам на Волгу, – мечтательно протянул Батяня. – Да, вы тут совсем зажрались на Дальнем-то Востоке.

Генерал только захохотал своим утробным смехом и хлопнул товарища по плечу.

– Не горюй, служивый! Будет и на вашей улице праздник!

Минин, в отличие от майора, всегда любил некоторые блага. А их, как известно, дают соответствующие должности. И вот, особенно не рискуя, хорошо зная правила подковерной игры, он и оказался «наверху». Это, конечно, не предел, но все же...

Бывшие соратники и сослуживцы уселись за стол и начали не спеша подметать блюда со скатерти. Тем более что выбор здесь имелся очень неплохой. Однако весь этот гастрономический калейдоскоп производил какое-то обратное впечатление – чем больше человек съедал, тем больше ему хотелось есть. В итоге Батяня понял, что без подходящей застольной беседы они просто лопнут от всех этих вкусов, и никакой героической смерти ему не видать. Поэтому он отодвинул блюдо с очередной «рыбкой» в сторону, взял штоф и спросил:

– Слушай, Петрович, а зачем ты меня сюда вызвал? Думаю, не только для того, чтобы пропарить кости и пузо набить? Ты же знаешь, я люблю ясность.

– А что ты думаешь, я не могу вот так запросто пригласить старого армейского товарища? – деланно обиделся Минин. – Ты что же, считаешь, что я уже совсем от земли оторвался?

– Ну, от земли ты отрываешься в салоне самолета, – съязвил Батяня, – пассажирского. А у нас транспорт попроще.

В ответ на это генерал еще раз усмехнулся. Правда, с набитым ртом это у него вышло гораздо менее убедительно.

– Ты прав, не только для этого. – Минин вытер рот салфеткой, чокнулся с Батяней и резко опрокинул стопку. Покряхтев для приличия, он отломил внушительный ломоть солонины и продолжил разговор: – Понимаешь, наш полигон – это очень важный стратегический объект.

– Ну, это сложно было не заметить, – вставил свои пять копеек Батяня, – тут и пятиклассник определенные выводы сделает.

Генерал прожевал кусочек оленины, снова вытер рот салфеткой, и его лицо приняло очень серьезное выражение, контрастируя с недавней расслабленностью.

– Шутки пока в сторону. Что-что, а это от нас никуда не денется. Ситуация, брат, такая, что надо нам обсудить некоторые проблемы.

«Ну, наконец-то! – вздохнул Лавров. – Ох уж мне эти хождения вокруг да около».

– В последнее время командование ракетных войск стратегического назначения участило экспериментальные запуски межконтинентальных баллистических ракет. А пункт приема всего этого добра только один – у нас. Естественно, ракеты не оснащены ядерными зарядами, но сами микросхемы и вообще вся эта электроника, которой под завязку напихана каждая такая торпеда, – это уже сама по себе государственная тайна, – тут Минин окинул взглядом беседку.

Никого поблизости не было. Он помолчал, несколько раз щелкнув пальцами. Лавров выжидающе смотрел на него, ожидая продолжения. Лицо майора приобрело выражение собранности, и от прежнего веселья, казалось, не осталось и следа.

– Так вот, в течение этой недели нам уже шмальнули три красавицы: одну с подлодки из Баренцева моря, другую с космодрома в Плисецке, а третью – с авианосца из акватории Белого моря. Первые две еще ничего – «Тополь» и «Синева», модернизированные, естественно, но особого интереса они для этих, – генерал кивнул головой в ту сторону, где должна была находиться Америка, – не представляют. А вот третья ракета – это что-то особенное, – провел Минин рукой по вспотевшему лбу, – «Супер-Булава». Понимаешь, конструкция в основном от «Булавы», но точность и дальность полета – это что-то фантастическое! Не буду загружать тебя всякой физикой, но одно скажу точно: если долбануть хоть из Архангельска по Сиднею, то через семь минут от Австралии в прямом смысле слова ни хрена не останется. Еще одна Атлантида появится, понимаешь?

Тон и жестикация старого армейского товарища не оставляли Батяне никакого шанса на сомнения. Судя по всему, ракета действительно была сверхмощной. Да и вообще – в нескольких фразах предельно четко было обрисовано все. Ни добавить, ни убавить.

– Ну, хорошо, предположим, что ракета просто великолепная и, как я понимаю, крайне секретная. А я-то тут при чем? – задал майор вполне резонный вопрос, на который хотел услышать убедительный ответ.

В этот момент в окно послышался какой-то стук. Минин вздрогнул, а Лавров более спокойно повернул голову в ту сторону. Увидя то, что было там, генерал облегченно вздохнул, а Лавров ухмыльнулся. На подоконнике сидел воробей и с присущим этой птице нахальством стучал клювом в стекло, будто желая добраться до тех вкусовностей, что украшали стол. Пернатое создание прохаживалось вдоль окна, периодически нанося удар в тронутое морозом стекло.

Минин потер подбородок, собираясь с так некстати прерванными мыслями.

– Понимаешь, когда ракеты приземляются, они не взрываются. Они просто разлетаются, как фарфоровые вазы, – обрисовывал он дальше ситуацию, – в этом и состоит наша задача – собрать каждую ракету по болтику, по крупиночке, и... и чтобы об этом никто не узнал, понимаешь?

– Наめкаешь на «НЛО»? – уже осведомленный Батяня хитро прищурился.

– Молодец, Лавров! – Генерал хлопнул ладонью по столу. – Вот именно его я в виду и имею. Сам понимаешь, никакая это не тарелка – это пилотируемый летательный аппарат, причем упал он где-то на нашей территории. Возможно, это как-то связано с совсем недавно начав-

шимися на Алеутах учениями Седьмого оперативного флота ВМС США. Исходя из этих догадок, мы составили приблизительную карту траектории, но ничего больше сделать не можем. Наша радиоразведка бессильна против их пеленгующих локаторов, тем более это было бы уже вмешательством в учения.

– И? – Батяне хотелось услышать то, зачем Минин вырвал его из почти уже неминуемого отпуска.

– Я понимаю, майор, ты устал, у тебя были учения, тебе хочется домой. Но и ты пойми меня! – жарко говорил генерал. – Разведгруппа из Ключей-20 уже вылетела, и эту чертову головку рано или поздно найдут. Но этот НЛО портит всю картину. Не хочется никаких неожиданностей, понимаешь? С воздуха разведка невозможна: плотная облачность, бураны, зима на носу. Да и хрен ты чего разглядишь в этой тундре...

– Понятно. То есть ты хочешь, чтобы я нашел эту штуку и доставил ее или то, что найду в ней, сюда? – Батяня уже не хотел дослушивать долгую и изобилующую лишними фактами речь генерала.

– Да. – Минин не скрывал, что сейчас все зависит только от Батяни. – Понимаешь, никто кроме тебя не способен качественно провести такую сложную и тонкую операцию. Можешь взять кого хочешь из своих ребят, с твоим начальством я как-нибудь договорюсь. Ну, так что?

Лавров глубоко вздохнул и посмотрел в глаза Минину. Он ощущал, что жажда нового «дельца» побеждает в нем все остальное, в том числе и запланированный отпуск. Поэтому не прошло и пяти секунд, как он принял решение:

– Согласен!

Глава 8

Буря становилась все сильнее, и огромные сугробы в мгновение ока вырастали там, где еще недавно лежало дерево или камень. Такой страшной пурги в этих краях не было давно. Несмотря на то что здешние зимы богаты на снег и метели, эта оказалась в рекордсменах. В этом году все обернулось как-то странно: еще не успела наступить зима, а бураны и метели невиданной силы заметали весь полуостров снегом.

Собаки на привале уже подняли лай, а Теченеут стоял с карабином наперевес и заворуженно смотрел на предмет, который лежал прямо перед ним. Это было что-то напоминавшее большую стальную птицу, только без перьев и хвоста. Шаман начал бормотать про себя какое-то заклинание. Теперь он ни капельки не сомневался – перед ним лежала волшебная птица. Что делать дальше, старик не представлял. Он понимал, что при помощи карабина он не сможет расправиться с этой магической птицей. Собаки заливались лаем, и вожак, рыча, начал приближаться к непонятному объекту.

Коряк окликнул пса, но тот, казалось, находился в каком-то тумане. Буря начинала усиливаться, и теперь Теченеут уже совсем не представлял себе, что же ему делать. Единственное, что пришло ему в голову, – подробнее рассмотреть этот непонятный предмет или, как он решил – эту птицу. Блестящая обшивка, два крыла, обтекаемый нос... Ничего, что могло бы свидетельствовать о присутствии какого-либо живого существа. Шаман поудобнее перехватил карабин и начал приближаться вплотную. Вожак залился хриплым лаем и попытался царапнуть когтями по обшивке странного предмета.

Собака явно трусила перед неизведанным, но, преодолевая страх, она бросалась на удивительный предмет. Впрочем, особых успехов пес тут достигнуть, конечно, был не в состоянии.

У старика в голове творились невообразимые вещи. С одной стороны, он ужасно боялся приближаться к «птице» – ведь это означало верную смерть не только для него, но и для всего его рода. С другой стороны, в нем начинал просыпаться пылливый человеческий разум: почему эта птица упала в тундре? Почему она лежит так, словно она вовсе не живая? Из чего она сделана? Чтобы получить ответ хотя бы на один из мучавших его вопросов, Шаман осторожно приблизился к «птице» и легонько ткнул по ней своей палкой. Звук напоминал удар стали о сталь. То есть это, определенно, был не лед.

Внезапно из-за корпуса таинственного аппарата появилась человеческая фигура. Шаман опешил – теперь он вообще не понимал, что ему делать: бежать, стрелять, пытаться заговорить или сделать что-либо еще. Да и человек ли это? Если все, что здесь находится, связано с миром мертвых, то ни о каком живом существе, а тем более человеку, не может быть и речи! Если бы собака не оказалась более сообразительной, то коряк, вернее всего, шлепнулся бы на колени. Нервы старика и так были расшатаны, а все эти события, развивающиеся с бешеной скоростью, совершенно выбили его из привычного круга жизни.

Вожак бросился на фигуру и, рыча, вцепился в нее. Следом за этим, почти сразу, шаман услышал громкий вопль. Как он ни был перепуган в тот момент, он все же уверился, что слышал именно человеческий крик. Да и если бы это был дух предка, как его смогла бы укусить обыкновенная собака, из плоти и крови? Нет, это определенно человек! Как бы там ни было, во всяком случае, хоть что-то уже проясняется...

Шаман окликнул вожака, но тот крепко схватил свою добычу и не собирался ее отпускать. Человек упал на колени, не переставая орать, и вдруг в дикий рев бури и вопли несчастного врезался еще один звук – звук выстрела. Вожак заскулил и, судя по всему, отпустил незнакомца. Тем временем буквально на глазах буран стал настолько сильным, что Степан уже не мог различить очертания предметов дальше вытянутой руки. Он попытался нащупать палкой стальную «птицу», но попадал куда-то мимо. Природа разбушевалась вовсю.

Однако дальнейшее заставило шамана окончательно удостовериться в том, что мистики в этом предмете не больше, чем в его нартах, – в его сторону раздался еще один выстрел. По звуку старик успел определить, что стреляли, скорее всего, из пистолета. Пуля прошла мимо и только немного порвала шубу на плече. Коряк не стал ожидать следующего выстрела, инстинктивно передернул затвор, навел ствол в сторону предполагаемого противника и спустил курок. Выстрел, рев бури, лай собак – и больше ничего.

Шаман не сразу смог определить, попал он в человека или нет. Тогда он решил, что единственный выход – это подобраться поближе и проверить, поражена цель или таинственный стрелок скрылся.

Степан осторожно шагал вперед, держа в одной руке палку с железным наконечником, а в другой – карабин. Он понимал, что в этой снежной буре он ничего не сможет увидеть, пока не столкнется с «этим» лоб в лоб. Поэтому вероятность того, что его предполагаемый противник сможет увидеть его раньше, напрочь отпадала. Сделав еще несколько шагов, шаман обо что-то запнулся. Однако он сразу понял – это тело вожака. Тут его поразила не очень-то приятная мысль: если вожак убит, то кто поведет стаю? Собаки или разбегутся, что будет наилучшим вариантом, или... Об этом старик даже не хотел думать.

Шаман нагнулся и попытался на ощупь найти тело собаки. Нашарив загрибок, он поднял пса и поднес к лицу мертвую тушу вожака. У того была прострелена черепная коробка. Однако в зубах у собаки застряла часть материи. Скорее всего, это были куски той одежды, в которую был одет невидимый враг по ту сторону бури.

Шаман сделал еще несколько шагов по направлению к стальному объекту, но тут же понял, что дальше идти вряд ли стоит. Буря все крепчала, а старик понимал, что в сильный буран добраться до своей палатки он уже не сможет. Тем более необходимо какое-то время, чтобы занялась кора – на таежном морозе она отсырела, и ее придется довольно долго прогревать. А сейчас для него дорога каждая секунда. Особо не церемонясь, шаман вонзил свой ледокол в тело мертвого вожака, взял карабин «на плечо» и, пригнувшись, начал продвигаться в направлении, где стояла палатка.

Такой ценной вещью, как мертвая собака в тундре, да еще и во время метели, местные не разбрасываются. На это и у Теченеута имелись свои причины.

Старик не боялся, что он заблудится в пурге – не в первый раз ему приходилось искать место стоянки в непроглядной мгле. Седая голова шамана была забита совсем другими мыслями. Теперь круг его догадок по поводу того, чем на самом деле являлся этот подозрительный объект, значительно расширился. Может, прав был внук и эта стальная «птица» – какой-то новейший летательный аппарат? Но как могло совпасть, с точностью до секунды, что он появился на небосклоне именно в момент завершения камлания? Ведь призыв духов – это вещь сакральная, а поэтому опасная и непредсказуемая. А тут – какой-то банальный планер или что-то там еще. Да и человек, который, судя по всему, находился в этой машине...

Мысли старика путались от стресса и усталости. Дырка на плече заставляла его терять тепло, поэтому он ускорил шаг. Собаки все еще лаяли, но было очевидно, что большая их часть зарылась в сугробы, испугавшись свирепствующей стихии.

Наконец шаман достиг палатки. Забросив туда тушу вожака, он вполз следом и тут же принялся за разжигание костра. В палатке было холодно, а спать на таком буране без костра – верная смерть. На всякий случай коряк положил свой карабин поближе ко входу: он так и не удостоверился, был ли задет тот человек или он не попал в него. Это тоже вполне могло произойти: в буране рассчитать траекторию полета пули в невидимого противника очень сложно. Как бы там ни было, факт оставался фактом – предмет найден, и завтра с утра остается выяснить, что это на самом деле такое и как оно попало в тундру.

Глава 9

Лопаста вертолета рубили снежные хлопья, и тяжелая стальная туша медленно летела над заснеженной тундрой. Вертолет явно поддавался стихии, и пилот уже несколько раз предложил вернуться на базу в целях обеспечения сохранности личного состава.

Это был модернизированный «Ми-24», несколько усовершенствованный для работы в экстремальных условиях и оснащенный всепогодной системой электронной навигации, а также станцией активных волновых помех «Липа», что помогало пилоту эффективно действовать в сложных погодных и военных условиях. Эта модификация уже была опробована войсками во время конфликта в Афганистане и хорошо зарекомендовала себя как экспортная единица. Однако в условиях Камчатки даже этот вертолет функционировал несколько скромнее: долгое нахождение в метели было чревато или перегревом двигателя, или искривлением лопастей, или и тем и другим сразу. Поэтому пилот с нетерпением ждал, когда командование все-таки выйдет на связь и предложит вернуться на базу.

В десантном отделении винтокрылой машины находились четыре человека, экипированных в соответствии с ситуацией.

– Итак, нам предстоит тросовая высадка вот здесь. – Батяня ткнул пальцем в один из квадратов, вычерченных на топографической карте, – успешное выполнение задания зависит от того, насколько оперативно и скрытно мы будем действовать.

– Что с собой? – слышался вопрос одного из коллег.

– Из дополнительного снаряжения у нас будет снегоход, несколько запасных тросов, сменный аккумулятор для наших салазок и некоторые полезные мелочи: палатка, питание, несколько блоков аппаратуры связи и пара цинков с боеприпасами. Тут, надеюсь, все понятно? – Батяня вопросительно взглянул на двух парней, сидящих напротив. Это были двое офицеров, которых он, помимо Абакумова, взял с собой на задание.

Один из них, отвечавший за связь старший лейтенант Колпаков, был суховатым брюнетом среднего роста. Второй, капитан Лихачев, был поменьше, но выглядел гораздо крепче своего напарника. Спецификой капитана была подрывная деятельность. Батяня не ошибся в выборе – эти ребята с отличием закончили военные академии по своим специальностям и побывали уже не в одной серьезной переделке. Батяня хорошо знал их еще по своей поволжской части и был уверен, что в нужный момент ребята не подведут. В связке они работали практически безукоризненно, идеально дополняя друг друга и как самостоятельные боевые единицы.

Включилась громкая связь, и пилот попросил Батяню пройти в кабину.

– Ну, что тут? – спросил майор, оказавшись в так знакомом ему окружении кнопок, рубильников и рычагов.

– Товарищ майор, только что поступило сообщение, что два вертолета с поисковыми группами взяли курс на базу, – доложил пилот. – Дело в том, что снежный буран усиливается, и у вертолетов не хватает мощности выбираться из воздушных ям. Кажется, поиски придется отложить.

Батяня посмотрел на пилота, а затем выглянул в окно. Картина за бортом и впрямь выглядела невеселой. Из иллюминаторов в десантном отделении не было видно вообще ничего, однако и кабина пилота не давала возможности большего обзора. Пурга лепила снег прямо на лобовое стекло, а лопасти напряженно гудели, с трудом раскидывая снег где-то вверху. Майор поморщился.

– Я понимаю, что это довольно опасное испытание для машины, – изрек Батяня. – Но у нас нет выбора. Я дал слово офицера и не имею права отступать.

Произнес это Лавров таким тоном, в котором ясно чувствовалось: он решил так – значит, именно так, а не иначе должно быть. Однако не у всех на борту имелись точно такие соображения.

– Это все, конечно, здорово, – пилот понимал, что просто так от Батяни будет сложно чего-то добиться, – но если вертолет заглохнет, то поиски будут сосредоточены не на боеголовке, а на нашей группе. Не думаю, что этот вариант развития событий вас хоть сколько-нибудь устраивает. Перейти из разряда ищущих в разряд тех, кого ищут, – не самая лучшая перспектива. И это далеко не худший вариант.

Пилот хотел сказать еще что-то, но из шлемофона раздался знакомый Лаврову голос. Это был генерал Минин. Мгновенно среагировав, пилот протянул руку к рации, но майор остановил его.

– Я сам, – Батяня надел шлемофон и нажал кнопку обратной связи. – Земля! Я – «Сокол-2»! Земля! Я – «Сокол-2»! Как слышно? Прием!

На том конце что-то зашипело, раздалась пара щелчков, и Батяня снова услышал голос Минина.

– Прием! Это Земля! Лавров, ты, что ли?

– Так точно, товарищ генерал! – с усмешкой отрапортовал Батяня.

– Слушай, наши ребята в штабе говорят, что продолжать поиски в такой буране слишком опасно. Не лучше ли вернуться на базу?

Батяня ухмыльнулся, однако его голос оставался все таким же уверенным и бескомпромиссным:

– Нет, не думаю. Мы почти достигли точки десантирования. Тем более так даже лучше. В такой буране нас не смогут заметить.

– Лавров, ты понимаешь, что рискуешь всей группой? – По голосу было понятно, что генерал настроен довольно решительно. – Я приказываю тебе возвращаться!

– Нет, Минин, я отступать не буду! – отрезал Батяня. – Считаю, что на момент нашего с тобой разговора мы уже пять минут как десантировались. Конец связи.

– Лавров! – приказным тоном продолжал генерал. – Твою мать... – Линия на том конце оборвалась, и майор отдал шлемофон пилоту.

– Что сказал товарищ генерал? – полюбопытствовал тот.

В данном случае такой немаловажный союзник, как Минин, был бы ему как нельзя кстати. Пилот отнюдь не горел желанием кувырнуться вместе с вертолетом вниз и мыслил более практично, нежели этот несговорчивый майор.

– Товарищ генерал приказал продолжать полет, достичь места десантирования и выполнить боевую задачу. – Батяня произнес все это тем тоном, который обычно не оставляет никаких сомнений в твердости решения того, кто им воспользовался.

Пилот понимал, что Минин имел в виду совсем не это, а, скорее, наоборот. Но спорить с Лавровым сейчас было бесполезно: если Минин находился за полсотни километров в штабе, то майор был здесь, прямо за сиденьем. И вести с ним конструктивный диалог было гораздо сложнее.

– Выполняйте! – голос Батяни приобрел совсем уж металлические нотки.

– Есть, – нехотя ответил пилот.

Он был весьма озадачен перспективой продолжения полета в таких условиях. Снег мог забиться в турбину или в хвостовую лопасть, и в этом случае вертолет был обречен на аварийную посадку. Однако уверенность и напор Батяни вселили толику уверенности и в пилота, и он решил, что раз уж так сложилось, и они находятся в каких-то семи километрах от пункта назначения, то так тому и быть. Вцепившись в штурвал, он начал поднимать вертолет, чтобы хоть немного подняться и случайно не попасть в воронку бурана. Пилот решил, что если выве-

сти вертолет на большую высоту, то снег будет представлять меньше опасности для лопастей машины.

Лавров вернулся обратно. Его троица сидела на ящиках с боеприпасами, и между прапорщикам и двумя офицерами шел какой-то спор.

– Эй, ребяташки, о чем дискутируем? – Батяня подошел поближе, примостившись у одной из коробок, в которой, по-видимому, находился снегоход.

– Да так, мелочи, – хмыкнул Абакумов, – просто я говорю, что десантироваться надо с троса, а капитан – что если мы так низко опустимся, вертушка может поднять снежный столб, и вертолет шлепнется на скалы.

– Думаю, что Лихачев в чем-то прав, – немного поразмыслив, сказал Батяня. – Но у нас нет другого выбора. Так как кроме карты местности и радаров вертолета у нас больше нет никаких визуальных ориентиров, придется действовать практически наудачу. Главное, чтобы мы не втесались в какую-нибудь сопку. А даже если высота будет не такой уж и удобной – внизу снега по горло. Так что пару метров можно вполне будет пролететь и «своим ходом».

Старлей улыбнулся, а Абакумов как-то неуверенно нахмурился. Его не прельщала перспектива падения с трехметровой высоты в снег, под которым, вероятнее всего, простирается жесткая каменная подстилка. Однако он был не в состоянии спорить с Батяней, потому что командиром здесь был именно он, а во время боевого вылета приказы, как известно, не обсуждаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.